
Глава первая

ЖИЗНЬ

Идея жизни касается столь конкретного и, если угодно, реального предмета, что согласно обычному представлению о логике может показаться, будто, трактуя об этой идеи, выходят за пределы логики. Разумеется, если логика должна содержать лишь пустые, мертвые формы мысли, то в ней вообще не могла бы идти речь о такого рода содержании, как идея или жизнь. Но если предмет логики — абсолютная истина, а истина, как таковая, заключается по существу своему в *процессе познания*, то необходимо было бы по крайней мере рассмотреть [в логике] *процесс познания*. — И в самом деле, вслед за так называемой чистой логикой обычно дают *прикладную логику* — логику, имеющую дело с *конкретным познанием*, — не говоря уже о той большой доле *психологии* и *антропологии*, включение которой в логику часто считается необходимым. Но антропологическая и психологическая сторона процесса познания касается его *явления*, в котором понятие для самого себя еще не таково, чтобы обладать равной себе объективностью, т. е. иметь предметом само себя. Та часть логики, которая этим занимается, не относится к *прикладной логике*, как таковой; иначе пришлось бы включить в логику все науки, ибо каждая наука есть постольку прикладная логика, поскольку она состоит в том, чтобы облечь свой предмет в формы мысли и понятия¹³⁸. — Субъективное понятие имеет предпосылки, которые представлены в психологической, антропологической и других формах. Но в логику предпосылки чистого понятия должны входить, лишь поскольку они имеют форму чистых мыслей, существенных аб-

стракций (*abstrakte Wesenheiten*) — определения *бытия и сущности*. И точно так же из состава *познания* (постижения понятием самого себя) должны рассматриваться в логике не всякие виды его предпосылки, а лишь тот, который сам есть идея; но эта предпосылка необходимо должна быть рассмотрена в логике. *Непосредственная идея* и есть эта предпосылка; в самом деле, так как процесс познания есть понятие, поскольку понятие налично для самого себя, но как субъективное находится в соотношении с объективным, то понятие соотносится с идеей как с выступающей в качестве *предпосылки* или как с *непосредственной* идеей. Непосредственная же идея — это *жизнь*.

В таком случае необходимость рассматривать в логике идею жизни основывалась бы на обычно признаваемой необходимости трактовать здесь о конкретном понятии познания. Но эта идея выдвинула себя здесь в силу собственной необходимости понятия. *Идея*, в себе и для себя *истинное*, есть по существу своему предмет логики; так как сначала ее следует рассматривать в ее непосредственности, то она должна быть постигнута и познана в той определенности, в которой она есть *жизнь*, дабы рассмотрение ее не было чем-то пустым и чуждым определений. Здесь можно было бы лишь отметить, насколько логический взгляд на жизнь отличается от воззрения на нее других наук; однако здесь не место говорить о том, как толкуют жизнь нефилософские науки, а следует лишь указать, чем отличается жизнь как категория логики — как чистая идея — от природной жизни, рассматриваемой в *философии природы*, и от жизни, поскольку она связана с *духом*. — Первая как жизнь природы есть жизнь, поскольку она вытолкнута в сферу *внешнего существования*, жизнь, которая имеет своим *условием* неорганическую природу и в которой моменты идеи выступают в виде многообразия действительных образований. Жизнь в идее не имеет таких *предпосылок*, которые даны как образы действительности; ее предпосылка — *понятие*, как оно было рассмотрено: с одной стороны, как субъективное, а с другой — как объективное понятие. В природе жизнь являет себя как высшая ступень, достигаемая природой в ее внешнем существовании благодаря тому, что она перемещается в себя и снимает себя в субъективности. В логике же именно простое внутри-себя-бытие

достигло в идее жизни своей поистине соответствующейⁱⁱ ему внешней проявленности; понятие, выступавшее раньше как субъективное, есть [теперь] душа самой жизни; оно есть импульс, который опосредствует для себя свою реальность через объективность. Когда природа, беря исходным пунктом свою внешнюю проявленность, достигает этой идеи, она выходит за свои пределы; ее конец имеет бытие не как ее начало, а как ее граница, в которой она сама себя снимает. — Точно так же моменты реальности жизни не получают в идее жизни образ внешней действительности, а остаются заключенными в форму понятия.

В *духе* же жизнь является себя, с одной стороны, как противостоящая ему, с другой — как положенная единой с ним, а это единство — как вновь порожденное исключительно им. А именно, жизнь следует брать здесь вообще в собственном смысле этого слова — как *природную жизнь*; ибо то, что называют *жизнью духа* как духа, есть его отличительное свойство, противостоящее просто жизни; говорят ведь и о природе духа, хотя дух есть не нечто природное, а скорее противоположность природе. Стало быть, жизнь, как таковая, есть для духа, с одной стороны, *средство* — в этом случае дух противопоставляет ее себе; с другой — он живой индивид, и жизнь есть его тело; в-третьих, это единство его с его живой телесностью порождается из него самого как *идеал*. Ни одному из этих соотношений с духом нет дела до жизни как категории логики, где ее не следует рассматривать ни как средство какого-то духа, ни как его живое тело, ни как момент идеала и красоты. — Жизнь в обоих случаях — жизнь как *природная* и жизнь как соотносящаяся с *духом*, — имеет *определенность* своей внешней проявленности; в первом случае благодаря своим предпосылкам, которые суть другие образования природы, во втором же случае благодаря целям и деятельности духа. Идея жизни сама по себе свободна и от объективности, служащей предпосылкой и условием, и от соотношения с этой субъективностью.

При ближайшем рассмотрении жизни в ее идее она есть в себе и для себя абсолютная *всеобщность*; объективность, которой жизнь обладает в самой себе, всецело проникнута понятием и имеет субстанцией только его. То, что различает себя в качестве части или на основе

какого-нибудь другого внешнего соображения, имеет внутри самого себя все понятие целиком; понятие есть здесь *вездесущая* душа, которая остается простым соотношением с самой собой и единой в многообразии, присущем объективному бытию. Это многообразие как внешняя себе объективность обладает безразличным существованием, которое в пространстве и во времени (если упомянуть о них здесь) есть существование совершенно разных и самостоятельных [единиц], находящихся друг вне друга. Но в сфере жизни внешнее выступает в то же время как *простая определенность* ее понятия; таким образом, душа вездесуща пронизывает это многообразие и в то же время всецело остается простым единством конкретного понятия с самим собой. — В сфере жизни, этого единства ее понятия во внешней объективности, в абсолютной множественности атомистической материи, мышление, держащееся определений рефлексивных отношений и формального понятия, совершенно теряет все свои мысли; вездесущность простого в многообразном внешнем есть для рефлексии абсолютное противоречие, а поскольку рефлексии приходится в то же время понять эту вездесущность из восприятия жизни и тем самым признать действительность этой идеи, идея эта есть для рефлексии *непостижимая тайна*, так как рефлексия не схватывает понятия или схватывает его не как субстанцию жизни. — Однако простая жизнь не только вездесуща, но безусловно есть *устойчивость* и *имманентная субстанция* своей объективности; а как субъективная субстанция она *импульс*, а именно *специфический импульс особенного различия*, и столь же существенно она единый и всеобщий импульс того специфического, что возвращает это свое обособление к единству и сохраняет его в последнем. Лишь как это *отрицательное единство* своей объективности и своего обособления жизнь есть соотносящаяся с собой, для себя сущая жизнь, душа. Она тем самым есть по существу своему единичное, соотносящееся с объективностью как с чем-то иным, как с неживой природой. Поэтому изначальное *суждение*¹³⁹ жизни состоит в том, что она как индивидуальный субъект отделяет себя от объективного и, конституируясь как отрицательное единство понятия, создает *предпосылку* непосредственной объективности.

Жизнь следует поэтому рассматривать, *во-первых*, как *живой индивид*, который есть для себя субъективная целокупность и выступает в качестве предпосылки как безразличный к объективности, противостоящей ему как безразличная.

Во-вторых, жизнь есть *жизненный процесс*, состоящий в снятии своей предпосылки, в полагании безразличной к жизни объективности как отрицательной и в осуществлении себя как силы объективности и ее отрицательного единства. Этим жизнь делает себя всеобщим, которое есть единство самого себя и своего иного. Жизнь есть поэтому,

в-третьих, *процесс рода*, заключающийся в том, что она снимает свою порозненность и относится к своему объективному наличному бытию как к самой себе. Этот процесс есть, стало быть, с одной стороны, возврат к своему понятию и повторение первого расщепления, становление новой индивидуальности и смерть первой непосредственной индивидуальности; но с другой стороны, *углубившееся в себя понятие* жизни есть становление относящегося к самому себе понятия, существующего для себя как всеобщее и свободное, — переход к *процессу познания*¹⁴⁰.

A. ЖИВОЙ ИНДИВИД

1. Понятие жизни или всеоющая жизнь есть непосредственная идея, понятие, которому соответствует его объективность; но эта объективность соответствует ему лишь постольку, поскольку оно отрицательное единство этой внешности, т. е. поскольку оно *полагает* ее как соответствующую себе. Бесконечное соотношение понятия с самим собой как отрицательность есть процесс самоопределения, расщепление понятия на себя *как субъективную единичность и на себя как безразличную всеобщность*. Идея жизни в своей непосредственности — это еще только творческая всеобщая душа. В силу этой непосредственности первое отрицательное соотношение идеи внутри самой себя есть ее самоопределение как *понятия*, — полагание *в себе*, которое лишь как возвращение в себя есть *для-себя-бытие*, творческое *предположение*. Через этот процесс самоопределения *всеобщая* жизнь есть некоторое *особенное*; тем самым она разделилась на два крайних

члена суждения, которое непосредственно становится умозаключением.

Определения противоположности суть всеобщие *определения понятия*, ибо именно понятию свойственно раздвоение; но *полное осуществление* (*Erfüllung*) этих определений есть идея. Одна сторона [раздвоения] есть *единство понятия и реальности*, которое есть идея, — как *непосредственное единство*, которое раньше обнаруживалось как *объективность*. Однако здесь это единство имеет другое определение. Там оно было единством понятия и реальности, поскольку понятие перешло в объективность, в которой оно утрачено, и только; понятие не противостояло ей, иначе говоря, так как понятие есть для нее нечто лишь *внутреннее*, то оно лишь *внешняя* ей рефлексия. Та объективность есть поэтому непосредственным образом само непосредственное. Напротив, здесь объективность есть лишь возникшее из понятия, так что суть ее — в положенности и в том, что она выступает как нечто *отрицательное*. — Ее следует рассматривать как *сторону всеобщности понятия*, стало быть, как *абстрактную* всеобщность, присущую по существу своему лишь субъекту и в безразличной к нему форме непосредственного, самого по себе положенного бытия. Поэтому целокупность понятия, присущая объективности, как бы лишь *займствована*; остаток самостоятельности, сохраняющейся в ней по отношению к субъекту, — это то *бытие*, которое, согласно своей истине, есть лишь указанный выше момент понятия, которое как *предполагающее* находится на ступени первой определенности в себе *сущего полагания*, еще не выступающего как полагание, как рефлектированное в себя единство. Возникнув из идеи, самостоятельная объективность есть, следовательно, непосредственное бытие только как *предикат* суждения, в котором понятие самоопределяется, — есть бытие, хотя и отличное от субъекта, но в то же время по существу своему положенное как *момент* понятия.

По содержанию эта объективность есть целокупность понятия, которой, однако, противостоит его субъективность или отрицательное единство, составляющее истинную центричность, а именно его свободное единство с самим собой. Этот *субъект* есть идея в форме *единичности* как простое, но отрицательное тождество с собой — *живой индивид*.

Живой индивид есть, во-первых, жизнь как *душа*, как понятие самого себя, совершенно определенное внутри себя, как начинаящий, самодвижущий *принцип*. Понятие содержит в своей простоте заключенную внутри себя определенную уже внешность как *простой момент*. — Но, далее, в *своей непосредственности* эта душа непосредственно внешня и в самой себе обладает объективным бытием; это подчиненная цели реальность, непосредственное *средство*, прежде всего объективность как *предикат* субъекта; но эта объективность есть, далее, также и *средний член умозаключения*; телесность души есть то, посредством чего она связывает себя с внешней объективностью. — Живое обладает телесностью прежде всего как реальность, непосредственно тождественная с понятием; как реальность оно вообще обладает этой телесностью от *природы*.

А так как эта объективность есть предикат индивида и принята в субъективное единство, то ей не свойственны прежние определения объекта, механическое или химическое отношение, а тем более абстрактные рефлексивные отношения целого и частей и тому подобное. Как внешнее, она, правда, способна к таким отношениям, но в таком случае она не живое наличное бытие. Если живое берут как целое, состоящее из частей, как нечто такое, на что воздействуют механические или химические причины, как механический или химический продукт, либо просто как таковой, либо же определенный внешней целью, то понятие становится внешним ему, живое берется как нечто *мертвое*. Так как понятие ему имманентно, то *целесообразность* живого следует понимать как *внутреннюю целесообразность*; понятие дано в живом как определенное понятие, различенное от своей внешней проявленности и в своем различении проникающее ее и тождественное с собой. Эта объективность живого есть *организм*; она *средство и орудие* цели, совершенно целесообразна, так как понятие составляет ее субстанцию; но именно потому само это средство и орудие есть осуществленная цель, в которой субъективная цель тем самым непосредственно соединена с самой собой. Со своей внешней стороны организм есть многообразие не *частей*, а *членов*, которые как таковые а) существуют только в индивидуальности; они отделимы, поскольку они внешние и с этой стороны постижимы; но когда их отделяют, они

снова подчиняются механическим и химическим отношениям обычной объективности. б) Их внешняя проявленность противостоит отрицательному единству живой индивидуальности; поэтому живая индивидуальность есть импульс к полаганию абстрактного момента определенности понятия как реального различия; будучи непосредственным, это различие есть импульс каждого единичного, специфического момента к продуцированию себя, а также к возведению своей особенности во всеобщность, к снятию других, внешних ему, моментов, к порождению себя за их счет, но в равной мере к снятию самого себя и превращению себя в средство для других¹⁴¹.

2. Этот процесс, присущий живой индивидуальности, ограничен ею самой и совершается еще целиком внутри нее. — Выше, говоря об умозаключении внешней целесообразности, мы рассматривали его первую посылку, — а именно то, что цель непосредственно соотносится с объективностью и делает ее средством, — таким образом, что хотя в этом процессе цель остается в ней равной себе и возвратилась в себя, но объективность *в самой себе* еще не сняла себя и поэтому цель в ней постольку не есть *в себе и для себя*, а становится таковой только в заключении. Процесс живого, [связывающий его] с самим собой, есть эта посылка, но лишь поскольку она в то же время есть заключение и поскольку непосредственное соотношение субъекта с объективностью (которая благодаря этому соотношению становится средством и орудием) дано в то же время как *отрицательное единство* понятия в самом себе; в этой своей внешности цель осуществляет себя потому, что она субъективная сила этой внешности и процесс, в котором эта внешность демонстрирует свое саморазложение и свое возвращение в это отрицательное единство цели. Беспокойство и изменчивость внешней стороны живого есть проявление в нем понятия, в качестве отрицательности в себе самом обладающего объективностью, лишь поскольку ее безразличное наличие оказывается снимающим себя. Понятие, следовательно, продуцирует себя через свой импульс таким образом, что продукт, поскольку понятие есть его сущность, сам есть то, что продуцирует, а именно, он продукт только как внешность, полагающая себя также отрицательно, иначе говоря, как процесс продуцирования.

3. Только что рассмотренная идея и есть *понятие живого субъекта и его процесса*; определения, находящиеся здесь в отношении друг к другу, суть соотносящиеся с собой *отрицательное единство понятия и объективность*, которая есть *его средство*, но в которой понятие *возвращалось* в само себя. Но так как это моменты идеи жизни *внутри понятия жизни*, то они не определенные понятые внутренние моменты *живого индивида в его реальности*. Объективность или телесность живого индивида есть конкретная целокупность; указанные моменты суть стороны, из которых конституируется жизненность; поэтому они не моменты этой жизненности, уже конституированной через идею. Но ввиду того, что живая *объективность* индивида, как таковая, одушевлена понятием и имеет его своей субстанцией, она содержит также в самой себе в качестве существенных такие различия, которые суть определения понятия, — *всеобщность, особенность и единичность*; поэтому *образ*, в котором они внешне различены, расчленен или рассечен (*insectum*) сообразно этим определениям¹⁴².

Живая объективность, стало быть, есть, *во-первых*, *всеобщность*, трепет жизненности исключительно лишь в самой себе, *чувствительность*¹⁴³. Понятие всеобщности, как оно получилось выше, есть простая непосредственность, которая, однако, такова лишь как абсолютная отрицательность внутри себя. Это понятие *абсолютного различия*, поскольку его отрицательность *растворена в простоте* и равна самой себе, дано созерцанию в виде чувствительности. Чувствительность есть *внутри-себя-бытие* не как абстрактная простота, а как бесконечная *определенная восприимчивость*, которая в своей *определенности* не становится чем-то многообразным и внешним, а всецело рефлектирована в себя. *Определенность* выступает в этой всеобщности как простой *принцип*; единичная внешняя определенность, так называемое *впечатление*, возвращается из своего внешнего и многообразного определения в эту простоту *самоощущения*. Чувствительность можно тем самым рассматривать как наличное бытие внутри себя сущей души, так как она принимает в себя любую внешнюю определенность, но приводит ее обратно к совершенной простоте равной себе всеобщности.

Второе определение понятия — это *особенность*, момент *положенного различия*, раскрытие отрицательности,

которая заключена в простом самоощущении, иначе говоря, есть в нем идеальная, еще не реальная определенность, — *раздражимость*. Ввиду абстрактности своей отрицательности чувство есть импульс; оно *определяет* себя; самоопределение живого есть его суждение (*Urteil*) или превращение его в конечное, сообразно чему оно соотносится с внешним как с объективностью, выступающей в качестве *предпосылки*, и находится с ней во взаимодействии. — Как такая особенность живое есть, с одной стороны, *вид* наряду с другими видами живого; *формальная* рефлексия в себе этой *безразличной разности* есть *формальный род* и его систематизирование; индивидуальная же рефлексия состоит в том, что особенность, отрицательность ее определенности как направленности вовне есть соотносящаяся с собой отрицательность понятия.

По этому *третьему* определению живое выступает *как единичное*. Точнее эта рефлексия-в-себя определяется так, что в раздражимости живое внешне самому себе, той объективности, которую оно имеет непосредственно в самом себе как свое средство и орудие и которая внешне определима. Рефлексия-в-себя снимает эту непосредственность, с одной стороны, как теоретическая рефлексия, а именно поскольку отрицательность выступает как простой момент чувствительности, который был рассмотрен в ней и который составляет *чувство*; с другой же стороны, она снимает ее как реальная рефлексия, поскольку единство понятия полагает себя в *своей внешней объективности* как отрицательное единство — *воспроизведение*. — Два первых момента, чувствительность и раздражимость, суть абстрактные определения; в воспроизведении же жизнь есть *конкретное и жизненность*; лишь в нем как в своей истине жизнь обладает также чувством и силой сопротивления. Воспроизведение есть отрицательность как простой момент чувствительности, а раздражимость есть живая сила сопротивления только потому, что отношение к внешнему есть воспроизведение и индивидуальное тождество с собой. Каждый из отдельных моментов есть по существу своему целокупность всех; их различие составляет идеальная определенность формы, положенная в воспроизведении как конкретная целокупность целого. Вот почему это целое, с одной стороны, как нечто третье, а именно как *реальная целокупность*, противоположно указанным выше определенным

целокупностям, но, с другой стороны, оно их в-себе-сущая существенность и в то же время то, в чем они объединены как моменты и в чем они имеют свой субъект и свою устойчивость.

Вместе с воспроизведением как моментом единичности живое полагает себя как *действительную индивидуальность*, как соотносящееся с собой для-себя-бытие, но в то же время оно реальное *соотношение, направленное вовне*, *рефлексия особенности* или раздражимости по отношению к чему-то иному, по отношению к *объективному миру*. Процесс жизни, замкнутый внутри индивида, переходит в отношение к выступающей в качестве предпосылки объективности, как таковой, в силу того, что индивид, полагая себя как *субъективную целокупность*, становится также *моментом своей определенности как соотношением с внешностью* — становится *целокупностью*.

В. ПРОЦЕСС ЖИЗНИ

Формируя себя внутри самого себя, живой индивид тем самым вступает в напряженные отношения к своей первоначальной предпосылке и противопоставляет себя как в себе и для себя сущего субъекта объективному миру, выступающему в качестве предпосылки. Субъект есть самоцель, понятие, имеющее в подчиненной ему объективности свое средство и свою субъективную реальность; тем самым он конституирован как в себе и для себя сущая идея и как то, что по существу своему самостоятельно, по сравнению с чем выступающий в качестве предпосылки внешний мир имеет лишь значение чего-то отрицательного и несамостоятельного. В своем самоощущении живое существо обладает этой *уверенностью* во в себе сущей *ничтожности* противостоящего ему *инобытия*. Его импульс есть потребность снять это инобытие и сообщить себе истину указанной уверенности. Индивид как субъект есть прежде всего лишь *понятие* идеи жизни; его субъективный процесс внутри себя, в котором он живет за счет самого себя, и непосредственная объективность, которую он полагает как естественное средство соответственно своему понятию, опосредствованы тем процессом, который соотносится с целиком положенной внешностью, с *безразлично находящейся рядом с ним объективной целокупностью*.

Этот процесс начинается с *потребности*, т. е. с того, что живое, *во-первых*, определяет себя, тем самым полагает себя как подвергшееся отрицанию и этим соотносится с *другой* по отношению к нему, безразличной объективностью, но что оно, *во-вторых*, так же не утрачено в этой утрате самого себя, сохраняет себя в ней и остается тождеством равного самому себе понятия; тем самым оно импульс к полаганию *для себя* указанного *другого* по отношению к нему мира как равного понятию, к снятию этого мира и к объективированию *себя*. Вследствие этого самоопределение живого имеет форму объективной внешности, а ввиду того, что оно в то же время тождественно с собой, оно абсолютное *противоречие*. Непосредственное формирование есть идея в ее простом понятии, сообразная с понятием объективности; как такое оно от природы *хорошо*. Но так как его отрицательный момент реализует себя в виде объективной особенности, т. е. так как каждый из существенных моментов его единства сам по себе реализован в виде целокупности, то понятие *раздвоилось*, прия к абсолютному своему неравенству самому себе, а так как понятие есть в равной мере абсолютное тождество в этом раздвоении, то живое есть для самого себя это раздвоение и обладает чувством этого противоречия, каковое чувство есть *боль*. Вот почему *боль* есть преимущество живых существ; так как они суть существующее понятие, то они действительность, обладающая такой бесконечной силой, что внутри себя они *отрицательность* самих себя, что эта *их отрицательность* имеет бытие *для них* и что они сохраняют себя в своем *инобытии*. — Если говорят, что противоречие немыслимо, то [нужно сказать], что скорее в боли, испытываемой живым [существом], противоречие есть даже действительное существование.

Это расщепление живого внутри себя, принятое в простую всеобщность понятия, в чувствительность, есть *чувство*. С боли начинаются *потребность* и *импульс*, составляющие переход к тому, чтобы индивид, будучи для себя своим отрицанием, в такой же мере становился для себя также тождеством, — тождеством, данным только как отрижение указанного *отрицания*. — Тождество, имеющееся в импульсе, как таковом, есть субъективная достоверность самого себя, на основе которой индивид относится к внешнему себе, безразлично существующему

миру как к явлению, как к действительности, лишенной в себе понятия и несущественной. Этот мир должен получить в самом себе понятие только через субъект, который есть имманентная цель. Безразличие объективного мира к определенности и тем самым к цели составляет его внешнюю способность быть соответствующим субъекту; какие бы еще спецификации объективный мир ни имел в самом себе, его механическая определимость, недостаток свободы имманентного понятия составляют его бессилие сохранить себя перед лицом живого. — Поскольку объект выступает по отношению к живому прежде всего как безразлично внешнее, он может механически воздействовать на него, но тогда он действует на него не как на живое; поскольку же он находится в отношении к живому, он не действует как причина, а [лишь] *возбуждает* его. Так как живое есть импульс, то внешнее доходит до него и входит в него, лишь поскольку оно уже само по себе есть *в нем*; поэтому воздействие на субъект состоит лишь в том, что субъект *соответствующим образом* *находит* представившееся ему внешнее; если оно и не соответствует его целокупности, оно должно соответствовать по крайней мере некоторой особенной стороне в субъекте, а возможность этого заключена в том, что субъект именно как действующий внешним образом есть некоторое осо-бенное.

Итак, поскольку субъект как определенный в своей потребности соотносится с внешним и потому сам есть нечто внешнее или орудие, — он совершает *насилие* над объектом. Его особенный характер, его конечность вообще причастны к более определенному проявлению этого отношения. — Внешняя сторона этого отношения есть процесс объективности вообще, механизм и химизм. Но этот процесс непосредственно прерывается, и внешнее превращается во внутреннее. Внешняя целесообразность, порождаемая прежде всего деятельностью субъекта в безразличном объекте, снимается в силу того, что объект не есть субстанция по отношению к понятию и поэтому понятие не только может стать его внешней формой, но сообразно своему первоначальному тождеству должно полагать себя как его сущность и имманентное определение, проникающее [его].

Поэтому, овладевая объектом, механический процесс переходит во внутренний процесс, через который индивид

так усваивает себе объект, что лишает его специфичности, делает его своим средством и сообщает ему в качестве субстанции свою субъективность. Эта ассиляция тем самым совпадает с рассмотренным выше процессом воспроизведения индивида; в этом процессе индивид живет прежде всего за счет себя, делая себе объектом свою собственную объективность; механический и химический конфликт его членов с внешними вещами есть один из его объективных моментов. Механическое и химическое в этом процессе есть начало разложения живого. Так как жизнь есть истина этих процессов и тем самым в качестве живого она существование этой истины и ее мощь, то она перехлестывает за их пределы, проникает их как их всеобщность, и их продукт полностью определен жизнью. Это их превращение в живую индивидуальность составляет возвращение этой индивидуальности в самое себя, так что продуцирование, которое, как таковое, было бы переходом в нечто иное, становится репродуцированием, в котором живое полагает себя для себя тождественным с собой.

Непосредственная идея есть также непосредственное, не как *для себя* сущее тождество понятия и реальности; через объективный процесс живое сообщает себе свое *самоощущение*; ибо оно *полагает* себя в нем как то, что оно есть в себе и для себя, как то, что в своем иночтении, положенном как безразличное, тождественно с самим собой, есть отрицательное единство отрицательного. В этом слиянии индивида со своей объективностью, вначале предположенной как безразличная ему, он так же, с одной стороны, конституировал себя как действительную единичность (*Einheit*), как, [с другой стороны], *снял свою особенность* и возвел себя во *всеобщность*. Его особенность состояла в расщеплении, в силу которого жизнь полагала как свои виды индивидуальную жизнь и внешнюю ей объективность. Тем самым жизнь через внешний жизненный процесс положена собой как реальная всеобщая жизнь, как *род*.

С. РОД

Живой индивид, выделившийся сначала из всеобщего понятия жизни, есть предпосылка, которая еще не оправдалась самой собой. Через процесс [взаимодействия]

с миром, выступающим в качестве предпосылки, живой индивид вместе с тем положен самим собой *для себя* как отрицательное единство своего инобытия, как основа самого себя; он есть таким образом действительность идеи, так, что теперь индивид порождает себя из *действительности*, между тем как раньше он происходил лишь из *понятия*, и его возникновение, которое раньше было *предполаганием*, становится теперь его продуктом.

Дальнейшее же определение, которого он достиг через снятие противоположности, — это быть *родом* как тождеством себя со своим ранее безразличным инобытием. Так как эта идея индивида есть указанное существенное тождество, то она по существу своему обособляется от самой себя. Сообразно целокупности, из которой она происходит, это ее расщепление есть удвоение индивида — предполагание такой объективности, которая тождественна с ним, и отношение живого к самому себе как к другому живому.

Это всеобщее есть третья ступень, истина жизни, поскольку жизнь еще заключена в своей сфере. Эта ступень есть соотносящийся с собой процесс индивида, где внешнее есть имманентный момент индивида; *во-вторых*, это внешнее как живая целокупность само есть такая объективность, которая для индивида есть он сам, — объективность, в которой — не как *снятой*, а как *наличной* — он обладает достоверностью самого себя.

А так как отношение рода есть тождество индивидуального самоощущения в чем-то таком, что в то же время есть другой самостоятельный индивид, то оно *противоречие*; живое тем самым снова есть импульс. — Род, правда, есть завершение идеи жизни, однако вначале он еще находится внутри сферы непосредственности; вот почему эта всеобщность имеет *действительность* в образе *единичности*; это — понятие, реальность которого имеет форму непосредственной объективности. Поэтому, хотя индивид *в себе* есть род, но *для себя* он не род; то, что есть для него, это еще только другой живой индивид; отличенное от себя понятие имеет тождественным с собой предметом не себя как понятие, а такое понятие, которое в качестве живого имеет в то же время для самого себя внешнюю объективность, — форму, которая поэтому противостоит ему непосредственно.

Тождество с другим, всеобщность индивида есть, стало

быть, еще только *внутреннее* или *субъективное* тождество; индивид имеет поэтому желание полагать это тождество и реализовать себя как всеобщее. Но это влечение к роду может реализовать себя лишь снятием еще обособленных друг от друга единичных индивидуальностей. Прежде всего так как именно они, будучи *в себе* всеобщими, удовлетворяют напряженность своего желания и растворяются в своей родовой всеобщности, то их реализованное тождество есть отрицательное единство рода, рефлектирующееся в себя из раздвоения¹⁴⁴. Ввиду этого род есть индивидуальность самой жизни, *порожденная* уже не из ее понятия, а из *действительной* идеи. Прежде всего сам род есть лишь понятие, которое еще должно объективировать себя, но *действительное понятие*, — *зародыш живого индивида*. Для *обычного восприятия* в нем *наличествует* то, что есть понятие, и то, что *субъективное понятие* обладает *внешней действительностью*. Ибо зародыш живого есть полная конкретность индивидуальности, содержащей все свои различные стороны, свойства и расчлененные различия во *всей их определенности*, а целокупность, вначале *имматериальная*, субъективная, неразвита, проста и нечувственна; зародыш есть, таким образом, все живое в целом во внутренней форме понятия.

Рефлексия рода в себя есть с этой стороны то, благодаря чему он обретает *действительность*, так как в нем *полагается* момент отрицательного единства и индивидуальности, — *размножение* живых поколений. Идея, которая как жизнь еще имеет форму непосредственности, постольку переходит обратно в действительность, и эта ее рефлексия есть лишь повторение и бесконечный прогресс, в котором она не выходит из конечности своей непосредственности. Но это возвращение идеи в свое первое понятие имеет и ту высшую сторону, что идея не только прошла через опосредствование своих процессов в пределах непосредственности, но именно этим сняла эту непосредственность и тем самым поднялась до более высокой формы своего наличного бытия.

А именно, процесс рода, где единичные индивиды снимают друг в друге свое безразличное, непосредственное существование и умирают в этом отрицательном единстве, имеет, далее, другой стороной своего продукта *реализованный род*, положивший себя тождественным с

понятием. — В процессе рода обособленные единичности индивидуальной жизни гибнут; отрицательное тождество, в котором род возвращается в себя, есть, с одной стороны, *порождение единичности*, а с другой стороны, точно так же *ее снятие*, есть, стало быть, сливающийся с собой род, *для себя становящаяся всеобщность* идеи. В продолжении рода умирает непосредственность живой индивидуальности; смерть этой жизни есть возникновение духа. Идея, которая как *род* есть *в себе*, есть *для себя*, когда она сняла свою особенность, которая составляла живые поколения, и этим сообщила себе *реальность*, которая *сама* есть *простая всеобщность*; таким образом, она есть идея, *относящаяся к себе* как к *идее*, всеобщее, имеющее своей определенностью и наличным бытием всеобщность, — *идея познания*.